DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu7.2015.4.4>

УДК 177.9

ББК 87.713.12

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН¹

Евгений Владимирович Карчагин

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, социологии и психологии,
Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
evgenkar@yandex.ru
ул. Академическая, 1, 400074 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются основные характеристики справедливости как социокультурного феномена. Обосновывается значимость социокультурного подхода для анализа справедливости. Отмечается, что идея справедливости в качестве социокультурного явления формулируется в виде ценностей и норм, имеющих функцию организации социальной реальности. Справедливость концептуализируется в статье как оправданность социокультурного порядка. Справедлива та доля и мера участия в разделении и распределении благ и тягот социальной общности, которая соответствует представлениям об устройстве миропорядка в его предельном значении и совершенстве, то есть некой высшей правде. Культура предоставляет обоснование и аргументацию того, какой порядок, какая мера разделения общих благ и тягот является наилучшей и справедливой. Автор исходя из определения культуры как системы ценностей и норм, рассматривает ценностное и нормативное содержание феномена справедливости.

Ключевые слова: справедливость, социокультурный подход, культура, социокультурный порядок, ценность, норма.

Справедливость по праву относится к тем «проклятым вопросам», которые издавна занимают умы как профессиональных мыслителей, так и обывателей. Основным отличием в способах осмысления справедливости можно считать уровень рефлексии, систематичность и артикулируемость критериев. При этом, конечно теоретизирование о справедливости не обязательно совпадает по выдвигаемым критериям, аргументации и получающимся в итоге идейным системам. Указанное несовпадение обнаруживает важный аспект проблемы справедливости: вариативность. Полисемантизм, вариабельность серьезно затрудняют выработку единого определения и единого критерия справедливости. А это, в свою очередь, препятствует исполь-

зованию понятия справедливости «на практике». Далеко не очевидно решение вопроса о том, как соотнести потребность в едином толковании справедливости и реальной множественности ее интерпретаций. Другим, не менее важным, аспектом справедливости как философской проблемы следует считать вопрос об онтологическом статусе справедливости: что такое справедливость и как она существует?

Мы считаем, что валидные ответы на поставленные вопросы можно получить, если рассмотреть справедливость в качестве социокультурного феномена. До сих пор в многочисленных концепциях справедливости как зарубежных, так и отечественных, не уделяется достаточного внимания выявлению и ана-

лизу аксиологического и деонтологического аспектов, то есть ее нормативно-ценностной природы. Именно такое рассмотрение позволяет не только максимально отчетливо продемонстрировать тот факт, что справедливость есть особый феномен, имеющий важнейшее значение для существования и функционирования общества, но и выявить его содержание.

Социокультурный подход

Как известно, социокультурный подход [9] предполагает понимание общества как единства социальности и культуры, создаваемых деятельностью человека. Родоначальником этого подхода можно считать П.А. Сорокина, хотя он в своих трудах не говорил прямо о социокультурном подходе, а писал о «структуре социокультурного взаимодействия», указывая при этом, что она «имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» [8, с. 218].

Использование термина «социокультурное» не требует строгого различения и дистанцирования социальных и культурных сторон единой социокультурной действительности [6, с. 547]. Хотя сочетание понятий «культура» и «социальное» имеет свою историю взаимоотношений и в таком сочетании отражает эволюцию середины XX в. [3], мы считаем возможным его сохранить как актуальное и способное избежать односторонности как «социологизма» XIX в., так и «культурализма» социальных наук, имеющего место в последние десятилетия XX века.

Мы исходим из того, что культура – это конкретно-исторический, специфический вариант и способ существования социального организма. Если социальное – это взаимообусловленность людей, совместность их деятельности, то культура как раз и создает те способы

(паттерны), в рамках которых протекает совместная деятельность людей. Подытоживая свой авторитетный и подробный критический обзор дефиниций культуры Кребер и Клакхон, пишут, что о культуре можно утверждать, что она: «есть продукт; исторична; включает идеи, паттерны и ценности; селективна; приобретается в обучении; основана на символах; и является абстракцией от поведения и продуктов поведения» [10, р. 157]. Культура с помощью значимых смыслов и идей, ценностей и норм формирует структуры, организующие социальное бытие. В этом смысле идея справедливости в качестве социокультурного явления обязательно формулируется «на языке» ценностей и норм, имеющих функцию организации социальной реальности.

Справедливость как оправданность порядка

Этимологические исследования [1] показывают, что древневосточные культуры понимали справедливость как термин, выполняющий важнейшую функцию мироориентирования. Это позволяет считать «справедливость» понятием, по смыслу совпадающим с понятием «порядок», и тем самым применимым ко всем упорядоченным структурам – и общества, и мышления. В дальнейшем конкретные аспекты (правовой, политический, моральный, религиозный и др.) порядка и справедливости получили уже собственное развитие и наименование.

Справедливость фиксирует приемлемую для нравственного сознания меру (порядок, способ, версию, тип) конфигурации (социальной) реальности. Справедливость есть *мера должного распределения социальных благ и тягот*. Та или иная конфигурация социальной реальности, тип социокультурного порядка, есть та или иная форма распределения благ и тягот. Благо – это нечто желанное и воспринимаемое как добро, польза и необходимое для человеческого существования. Тягота соответственно есть то, что имеется у человека, но при этом оценивается обратным образом, как нечто нежеланное, зло, бесполезное, вредное и совершенно ненужное для человеческого существования. В свою очередь понятие меры выражает количественно-качественную опре-

деленность предмета, посредством чего этот предмет можно измерить. В контексте нашей дефиниции мерой можно считать любую смысловую концептуализацию справедливости.

Жизнь человеческого общества представляет собой определенного рода метаболизм, охватывающий многочисленные дистрибутивные процессы. Дистрибуция пронизывает всю социальную реальность и поддерживает социальный метаболизм, обмен и циркуляцию всех видов социальных благ. Воздаяние, наказание, взаимный обмен мы также рассматриваем как разновидность распределения. Распределение есть частный случай, разновидность метаболических процессов в социокультурной системе. В определенном смысле все это – обмен, воздаяние и дележ представляют собой распределение. Собственно, это главная причина того, что часто проблема дистрибутивной справедливости по сути означает проблему справедливости вообще.

Итак, справедливость является термином, означающим одно из устойчивых свойств социокультурного порядка. Значение справедливости – это определенный стандарт порядка, распределения и соразмерности. Справедливость – это именование такого способа организации совместной деятельности и совместной действительности, который представляется как самый лучший, правильный, истинный, как максимально оправданный. Справедливость выражает качество соответствия правильному, правде, правому, то есть верному вообще, должному в отношении существования, распределения и в отношении внутреннего гомеостаза социального субъекта (как личности, так и общества). Любой порядок вещей может быть справедливым и не справедливым, оправдан и не оправдан. Справедливость означает правильность и оправданность социального порядка; *то, как это должно быть*. Невозможность в конечном счете оправдать что-либо тождественно признанию этого несправедливым. Поскольку оправданность есть соответствие правде, постольку справедливость может пониматься как *правда порядка*.

Культура по сути предоставляет обоснование и аргументацию того, какой порядок, какая мера разделения общих благ является наилучшей (а значит справедливой). Культура вы-

рабатывает разные по своей степени эффективности и убедительности представления о должном и благом. Те процедуры, те порядки, те субъекты которые культура объявляет самыми правильными и считаются справедливыми. Справедлива та доля и мера участия в разделении и распределении благ и тягот общности, которая соответствует представлениям об устройстве миропорядка в его предельном значении и совершенстве, то есть высшей правде. Кто и как участвует в общем деле – это те элементы социальной реальности, что подлежат осмыслению с точки зрения справедливости. Для обоснования приемлемости того или иного типа социальности культурой создано несколько действенных форм: миф, религия, философия, искусство, политическая идеология и т. д. При этом действующие способы социальной деятельности и то или иное состояние социальной действительности могут как служить образцом, так и быть объектом изменения. Как консервация, так и реформация реальности с позиций справедливости осуществляется с помощью особых социокультурных процедур и механизмов (совещания, суд, выборы и др.), органов (= «правоохранительные органы») и сил (= «вооруженные силы»). В этой связи подлинно политическим действием, ориентированным на достижение справедливости, можно назвать такое, которое направлено на радикальное изменение социального порядка, а не на его поддержание [5].

Культура как система небиологической регуляции поведения человека стремится избежать ситуации беспорядка и хаоса. Несправедливый порядок в этом смысле лучше хаоса и беспорядка, при котором происходит распад социальной ткани, исчезновение норм и где соответственно нет ни справедливости, ни несправедливости. Можно отметить, что такое состояние явно хуже нежели положение, при котором социальный порядок признается плохо организованным. Иными словами, лучше суды, которые часто выносят несправедливые приговоры, чем отсутствие судов вообще. Неразличение хуже несправедливости, поскольку стираются границы между фундаментальными для сознания человека истиной и ложью, добром и злом и т. п. Конечно такой плохо организованный, несправедливый порядок не может быть признан в качестве при-

емлемого, поскольку в его рамках становятся возможными абсурдные, противоречивые феномены, способствующие расшатыванию представлений людей об осмысленности самой реальности. Легализованное, ненаказуемое преступление, лицемерное правосудие ставят под вопрос «здоровье» той социокультурной системы, которая их порождает.

Справедливость как универсальная ценность

У нас нет оснований рассматривать справедливость в качестве вечной, незыблемой категории, но также нет оснований видеть в ней наглядный пример грубого релятивизма. Справедливость в своем предельном основании есть аксиологическая универсалия, универсальная *социокультурная ценность*.

Безусловно понятие «аксиологического универсализма» обладает долей противоречия. По сути главный субъект носитель представлений справедливости – это более или менее крупного размера группа. Конечно такой взгляд на социокультурную реальность в своей основе делает акцент на «партийности», частичности. Ничто не в состоянии видеть реальность целиком, как целое, это взгляд *sub specie aeternitatis*. Хотя это не может быть препятствием для некоторых групп, заявляющих о том, что они описывают реальность так, как она на самом деле устроена. Фактически во взаимных отношениях состоят разные группы со своим аксиологическим аппаратом, со своими картинами должного, претендующими на символическую власть (а значит, по П. Бурдьё, и на реальную).

Аксиологический универсализм, понятий как универсальная, то есть во всех контекстах, применимость ценностей, может быть противопоставлен аксиологическому неуниверсализму, который проявляется прежде всего в локализирующих практиках. Аксиологический универсализм тем самым противопоставлен не плюрализму (в таком случае образовалась бы пара «монизм – плюрализм»). Также универсализм не противопоставлен релятивизму, поскольку противоположным понятием релятивизму будет абсолютизм. С одной стороны, можно фиксировать общую распространенность идеи справедливости. С другой сторо-

ны, очевидна неоднозначность ее трактовок. Именно эта фактология и вносит элемент проблематичности в идею универсализма справедливости. Другой разворот проблемы – это два вида универсализма: фактический и нормативный. Фактический универсализм означает действительную, фактическую всеобщность; в то время как нормативный необязательно является всеобщим, однако в обязательном порядке подразумевается в качестве такового «по идее». Претензия на именованное в качестве универсальной идеи и ценности должна быть доказана и оправдана. Таким образом, на противоположном полюсе универсализма будет локализм. Всеобщность противоположна конкретности. Формальный универсализм противопоставлен содержательному локализму (контекстуализму)

Самый известный на сегодня автор философской теории справедливости Джон Ролз формулирует развернутую содержательную концепцию. В своей работе «Теория справедливости» он формулирует два принципа понимания справедливости [7], однако адресует ее только либеральным сообществам западного типа. Впрочем и на обратном полюсе проблемы – в коммунитаристской теории Майкла Уолцера имеется та же проблема [12]. М. Уолцер отчетливо осознает всю ущербность затеи сформулировать единственно верную и правильную концепцию и старается сформулировать версию, способную избежать промахов и ошибок Ролза. Хотя, по его словам, не существует единственного и фундаментального принципа справедливости, М. Уолцер описывает противоположный несправедливому доминированию и тирании режим сложного равенства (*complex equality*). Тем не менее теория контекстуализма М. Уолцера вносит свою парадоксальность в проблему справедливости.

1. Метатеория универсализма идеи справедливости призвана уважать внутренние законы существования сообществ. Однако есть ли у нас критерии, позволяющие утверждать оправданность, моральность и условно говоря нормальность норм, которыми регулируются данные сообщества?

2. Минимальный этический код – второй признак универсализма идеи справедливости. Жизнь, личное достоинство, собственность

является ли достаточным и исчерпывающим перечнем благ для всех социокультурных общностей? Как возможно сформулировать универсалистский код справедливости и не выдать в качестве такового свой локальный?

Тем самым универсализм справедливости скорее желаемый, нежели действительный. Более того, по всей видимости эта идея может существовать только в том случае если справедливость *de facto* мыслится как универсальная. Изначально мыслимая как неуниверсальная (хотя бы в пределах ограниченного социального «универсума») идея справедливости очевидно теряет всякую силу и потенциал изменять социокультурную действительность. Поэтому неизбежно в ситуации невозможности фактически быть универсальной, справедливость содержательно представляется таковой самой себе, то есть своему субъекту и сообществу, являющемуся адресатом или и творцом концепта, или кажется таковой другим. Последнее часто может проявляться в манипулятивном сознательном обмане с целью сохранить *status quo* определенной ситуации.

Когда кто-то заявляет, что нечто справедливо или наоборот несправедливо, то не всегда понятно, что имеется в виду. Согласно логике оценок необходимо учитывать: кто оценивает (субъект), что оценивается (предмет), как оценивается (абсолютно или в сравнении – характер оценки) и на каком основании [4, с. 21–34]. Оценки могут изменяться и различаться не только от субъекта к субъекту, но и у одного и того же субъекта в течение времени. Иными словами, немаловажно кто, о чем, когда, как и на каком основании высказывается о справедливости.

В зависимости от характера оценки бывают двух видов: абсолютные, в формулировках которых фигурируют термины «справедливо»; сравнительные, где в отношении ценности сравниваются предметы (или ценности) и используются термины «справедливее», «более справедливо» и т. д. Иными словами, характер оценки – это то, как мы высказываемся о справедливости. Нельзя ситуацию считать справедливой только потому, что она не является несправедливой. Возможно, что она будет просто нейтральной с точки зрения справедливости. Как кажется, легче всего

сравнивать, если по отдельности одно оцениваемое опознается как справедливое, а другое как несправедливое. Тогда мы говорим, что это справедливей другого. Сложнее сравнивать два оцениваемых, если оба из них несправедливы или оба справедливы. Например, можно говорить, что один порядок вещей справедливей другого порядка. Здесь нет особых сложностей. Но «эта зарплата справедливей этой конституции» явно не будет корректным сравнением.

Основание оценки справедливости – это то, почему или на основании чего мы высказываемся о справедливости. Основания оценок бывают: внутренние – чувство или ощущение симпатии, антипатии, склонности, безразличия и т. д. Так, часто объявляя нечто несправедливым, люди могут попросту выражать свое чувство зависти (ресентимент); внешние – образец, стандарт, идеал, иная оценка или ценность («хороший певец» = «певец, каким он должен быть»). Слово «должен» имеет здесь нормативный оттенок, который состоит не в указании певцам, какими они должны быть, а в указании того, чем следует руководствоваться при оценках певцов и т. п. Таким образом, основанием оценок справедливости могут быть: а) чувство справедливости; б) идея, образец, идеал, критерий, стандарт справедливости, (то или иное понимание справедливости – то, что называется критериями, или принципами, справедливости). Последнее вносит необходимость различения местоположения справедливости в иерархии других ценностей. Становится ясно, что мера должного – это переменная, которая зависит от социокультурного прочтения и в структуре оценок относится к основанию оценок. Таким образом, основание является наиболее важным элементом оценки справедливости.

Основные варианты аргументаций, доказывающих или оспаривающих справедливость чего-либо, сводятся к базовым ценностным основаниям (и восходят к фундаментальным идеям природы, разума, человека, Бога и т. д.). Основные варианты аргументации, доказывающих или оспаривающих справедливость чего-либо сводятся к базовым основаниям. Роберт Макши и Дэниел Макши считают, что оснований у ценностных суждений может быть шесть: Бог, разум, природа, индивид, культура, челове-

ческая природа: «Истинность оценочного суждения не может быть самоочевидной, она должна найти свою проверку вне себя. То есть, она должна иметь некоторую внешнюю основу. Есть только шесть возможных оснований для оценочных суждений <...> Из шести возможных оснований ценностей, три являются человеческими, и три трансцендентными человеку: Бог, разум, и природа» [11, р. 308].

Суждения справедливости несомненно базируются на культурно-исторических предпосылках мышления. Содержание справедливости невозможно выяснить без обращения к системе ценностей, принятой в определенный период определенным человеком или группой. В разных сообществах и ситуациях могут быть разные понимания о справедливости, основанные на разных ценностных предпочтениях и основаниях. Так, например трансформация аксиологической архитектоники современного западного общества привела к тому, что после 11 сентября 2001 г. резко возросла тенденция ограничивать ценность свободы и частной жизни во имя безопасности, и соответственно считать такое ограничение свободы оправданным и справедливым.

Интересно в этой связи было бы уместно рассмотреть различные концепции на предмет их нормативной архитектоники. Провести такой анализ довольно легко – так как каждая из концепций содержит ограниченное количество высказываний. Принадлежит она определенному субъекту и явно высказывается или легко реконструируется на ценностном основании. Чрезвычайно сложно – или невозможно – провести анализ норм справедливости «вообще». Это можно сделать только на формально-логическом уровне, практически не выявляя содержания. Довольно трудно, но результаты таких исследований очень приблизительны, анализировать аксиологическое устройство того или иного конкретного общества в определенных хронологических рамках (например, российское в 2015 г.). Проще исследовать в рамках социологического подхода – подобную архитектуру какой-либо группы, включающую ограниченное количество человек. Можно предположить, что наиболее выполнимо исследование аксиологических представлений о справедливости одно-

го отдельного индивида. Однако и тут важно вводить ограничения временного характера – человек может считать так в данное время и изменить свой взгляд позднее. Кроме того важен контекст и условия получения интересующей информации. Очевидно, что наилучшим материалом для философского анализа в этом плане будут теоретически проработанные представления отдельных индивидов. Главный образец подобного материала – это печатные работы ведущих теоретиков справедливости.

В истории мысли можно встретить различные способы концептуализации справедливости. В зависимости от того, какие термины, понятия и категории избираются в качестве специфицирующих, образуются разные концепции справедливости, содержащие то или иное содержательное основание в качестве ключевого критерия в явном виде. В разное время разными авторами были описаны критерии: «*suum cui que tribuere*» (каждому свое); справедливость как взаимность (*reciprocity*); справедливость как взаимная выгода; иерархический критерий – согласно рангу (статусу); просвещенческий принцип справедливости как беспристрастности (общие принципы для всех); строго поровну, то есть каждому – одно и то же; по потребностям; по заслугам; по труду; по способностям; по вкладу в общее дело и т. д. Такая панорама смысловых концептуализаций справедливости дает, например, понять, что справедливость как таковую нельзя безальтернативно сводить только к равенству.

Существуют также по меньшей мере два основных типа социокультурного порядка: акцент на части и акцент на целом, когда в качестве высшей ценности признается индивид или общество. Различные модели социальной жизни (атомистские или холистские) связаны с различными трактовками личности и ее идентичности: автономная личность в противоположность ее обусловленности социальным окружением. Данная оппозиция является ключевой для всей реальной и интеллектуальной истории человеческих обществ. Этот спор, в частности, воплощен в противостоянии двух политико-философско-идеологических направлений в концептуализации справедливости – либерализма и коммунизма.

Справедливость как регулятивный принцип

С аксиологическим измерением справедливости непосредственно связана и ее нормативная природа, поскольку представления о справедливости имплицитно или эксплицитно содержат импульс (пере)устройства общества по определенным принципам. Справедливость как социокультурная универсалия выражает наиболее глубокий пласт регулятивных принципов человеческих сообществ. Комплексность аксиологического фундамента обуславливает сложность и многообразность деонтической репрезентации справедливости в жизни общества. Справедливость и производные от нее предикаты («справедливо, несправедливо») не только оценочны, но также обладают функцией управления поведением, поскольку они говорят нам, как должно быть. Должное в этом смысле – это благо, которое необходимо, соответственно и справедливость – это нечто такое, что имманентно содержит в себе элемент необходимости. Регуляция в данном случае осуществляется двояким образом: позитивно – через одобрение, поощрение; и негативно – через запрет, порицание нежелательных форм активности.

По своему характеру нормы справедливости могут быть трех видов: нельзя, запрещено осуществлять несправедливость; можно, разрешено осуществлять справедливость; обязательно, должно осуществлять справедливость. Это первичное деление норм справедливости, которое в целом соответствует общему формальному определению и пониманию справедливости. Общим нормам труднее следовать и они очень похожи на оценки и принципы. В этом плане оправдано говорить о двух уровнях норм справедливости: общем и конкретном (контекстуальном), то есть специфицированном через другие элементы нормы. Условия приложения могут быть самыми разными и варьируются в зависимости от конкретного содержательного истолкования понятия справедливости и специфики других элементов нормы.

Таким образом, если исходить из контекстуализма, то нормы справедливости имеют контекстный характер и конкретные границы, очерченные: 1) объектами оценивания – спе-

цифическими благами и тяготами; 2) особыми правилами распределения этих благ и тягот в конкретных областях социальной реальности; 3) масштабом.

Специфика благ и (до определенной степени) правил образует собой внутренний критерий различения справедливости, тогда как масштаб субъекта оценок и норм справедливости является внешним критерием и признаком, согласно которому можно проводить различение.

В современной социально-теоретической литературе есть несколько удачных попыток очерчивания контекстуальных границ справедливости. Так, Л. Болтански, Л. Тевено [2] построили свою типологию по критерию специфики системы аргументации *оправданности порядка вещей*. В свою очередь, М. Уолцер [12] по критерию *специфики блага*, однако, на наш взгляд, привел избыточный перечень специфического проявления «сфер» справедливости.

Мы предлагаем выделять шесть областей справедливости по специфике циркулирующих благ, исходя из традиционных версий осмысления базовых институтов социального бытия в социально-философской литературе:

- 1) область признания или включения, в которой распределяются блага принадлежности и членства в сообществе, симпатии и любви;
- 2) политическая область, распределяющая прежде всего власть;
- 3) юридическая область, в которой осуществляется правовая ретрибутивная регуляция общественной жизни на основе распределения наказаний;
- 4) экономическая область, регулирующая циркуляции денег, товаров, работы и свободного времени, общего благосостояния людей;
- 5) религиозная область относится к сложным мировоззренческим вопросам доступа, разграничений и распределений божественной благодати, спасения и конечного нравственного воздаяния;
- 6) информационно-образовательная область охватывает все виды дистрибуций в рамках как сугубо информационного пространства, так и в образовании.

При этом мы считаем, что есть основания выделить по крайней мере три уровня нормативных областей справедливости в зависи-

мости от масштаба субъектов: микро-, макро- и мегауровни. Схематическое наложение областей на уровни дает возможность построить удобную модель возможной социокультурной реализации справедливости. Субъект норм справедливости на микроуровне – личность в контексте своего ближайшего социального окружения, включающего в себя разнообразные малые группы, например семья. Небольшие группы и межличностные отношения – основной горизонт действия норм личностной, микроуровневой справедливости. Так, межличностные отношения в рамках дружбы или семьи регламентируются в области включения на микроуровне. Макроуровень – это прежде всего уровень институций и действия надличностных социальных структур. Нельзя сказать что здесь совершенно игнорируются личность и микроуровневые процессы и явления. Но акцент сильно смещается и последние принимаются во внимание только как составные части бытия крупных социальных общностей и структур. Зачастую акты индивидуальной несправедливости продиктованы несправедливостью всей социальной системы в целом (системная или структурная несправедливость). Большинство классических политических идеологий работают на макроуровне: так, марксизм охватывает макроуровень экономики, а феминизм – область включения на макроуровне. Иными словами, большинство концепций справедливости сосредоточиваются на отдельных нормативных областях справедливости и не рисуют целостной картины. Мировое сообщество и его ключевые проблемы на современном этапе – нормативное пространство, где справедливость выступает в качестве нормативного принципа для всех людей в целом, а также как принцип отношений внутри глобального сообщества.

В заключение отметим, что реализованная тем или иным способом справедливость обладает постоянным риском распада и энтропии, долговременность ее существования зависит от возобновляющихся усилий по ее поддержанию со стороны социальных субъектов. Ресурсно многие государства в отдельности и мировое сообщество в целом способны решить большинство реальных проблем справедливости и неравенства, но соци-

окультурно и антропологически это представляется крайне затруднительным. Особенности человеческой культуры и социальности – ингрупповой фаворитизм, иерархизация отношений и т. п. – препятствуют иметь субъектам устойчивый консенсус о справедливости устройства социокультурной реальности. На сегодняшний день можно зафиксировать необходимость построения новых эффективных способов обеспечения социокультурного порядка и его мировоззренческого обоснования.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ 15-33-01401а(2) «“Справедливость”, “оправданность” и восприятие коррупции в общественном сознании».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
2. Болтански, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л. Тевено. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 576 с.
3. Гофман, А. Б. Социальное, социокультурное, культурное. Историко-социологические заметки о соотношении понятий общество и культура / А. Б. Гофман // Социологический ежегодник 2010. – 2011. – С. 128–136.
4. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : МГУ, 1970. – 232 с.
5. Карчагин, Е. В. Политика и справедливость в философии А. Бадью и Ж. Рансьера / Е. В. Карчагин, Д. Ю. Сивков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2014. – № 2. – С. 12–19.
6. Николаев, В. Г. Социокультурная система / В. Г. Николаев // Культурология. Энциклопедия в 2 т. – 2007. – Т. 2. – С. 547–548.
7. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. – М. : ЛКИ, 2010. – 536 с.
8. Сорокин, П. А. Человек, цивилизация, общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
9. Тюгашев, Е. А. Социокультурный подход: эпистемологический статус и содержание / Е. А. Тюгашев // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. – 2011. – Вып. 13. – С. 8–25.

10. Kroeber, A. Culture: a critical review of concepts and definitions / A. Kroeber, C. Kluckhohn. – Cambridge : Peabody Museum Publ., 1952. – 231 p.
11. McShea, R. J. Biology and Value Theory / R. J. McShea, D.W. McShea // Biology and the foundation of ethics. – Cambridge University Press, 1999. – P. 307–328.
12. Walzer, M. Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality / M. Walzer. – N. Y. : Basic Books, 1983. – 345 p.

REFERENCES

1. Benvenist E. *Slovar indoevropeyskikh sotsialnykh terminov* [Vocabulary of Indo-European Social Terms]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1995. 456 p.
2. Boltanski L., Teveno L. *Kritika i obosnovanie spravedlivosti: Ocherki sotsiologii gradov* [Criticism and Justification of Justice: Essays in City Sociology]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2013. 576 p.
3. Gofman A.B. Sotsialnoe, sotsiokulturnoe, kulturnoe. Istoriko-sotsiologicheskie zametki o sootnoshenii ponyatiy obshchestvo i kultura [The Social, the Socio-Cultural, the Cultural. Historical and Sociological Notes on the Concepts of Society and Culture]. *Sotsiologicheskii ezhegodnik 2010* [Sociological Yearbook 2010]. Moscow, INION RAN Publ., 2011, pp. 128-136.
4. Ivin A.A. *Osnovaniya logiki otsenok* [Foundations of Evaluation Logic]. Moscow, MGU Publ., 1970. 232 p.
5. Karchagin E.V., Sivkov D.Yu. Politika i spravedlivost v filosofii A. Badyu i Zh. Ransyera [Politics and Justice in A. Badiou and J. Ranciere's Philosophy]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya. Sotsiologiya i sotsialnye tekhnologii* [Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies], 2014, no. 2, pp. 12-19.
6. Nikolaev V.G. Sotsiokulturnaya sistema [Socio-Cultural System]. *Kulturologiya. Entsiklopediya v 2-kh t.* [Culturology. Encyclopedia in 2 vols.]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, vol. 2, pp. 547-548.
7. Rolz Dzh. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Moscow, LKI Publ., 2010. 536 p.
8. Sorokin P.A. *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Man, Civilization, Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p.
9. Tyugashev E.A. Sotsiokulturnyy podkhod: epistemologicheskiy status i sodержanie [Socio-Cultural Approach: Epistemological Status and Content]. *Sotsialnye vzaimodeystviya v tranzitivnom obshchestve*, 2011, iss. 13, pp. 8-25.
10. Kroeber A., Kluckhohn C. *Culture: a Critical Review of Concepts and Definitions*. Cambridge, Peabody Museum Publ., 1952. 231 p.
11. McShea R.J., McShea D.W. Biology and Value Theory. Maienschein J., Ruse M., eds. *Biology and the Foundation of Ethics*. Cambridge University Press, 1999, pp. 307-328.
12. Walzer M. *Spheres of Justice. A Defense of Pluralism and Equality*. New York, Basic Books, 1983. 345 p.

JUSTICE AS A SOCIAL AND CULTURAL PHENOMENON

Evgeniy Vladimirovich Karchagin

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy, Sociology and Psychology,
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
evgenkar@yandex.ru
Akademicheskaya St., 1, 400074 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article discusses the main features of justice as a social and cultural phenomenon. The author justifies the importance of socio-cultural approach to the analysis of justice. It is noted that the idea of justice as a social and cultural phenomenon is formulated in the form of values and norms that have function of the organization of social reality. In the article justice is conceptualized as a justification of social and cultural order. Justice is the proportion and the measure of participation in the division and distribution of the benefits and burdens of social community, which is consistent with the conceptions of the world order in its limits and perfection that is some kind of higher truth. Culture provides the rationale and arguments on which the order and measure of the overall division of benefits and burdens is best and fair. The author relying on the definition of culture as a system of values and norms,

considers the value-normative content of the phenomenon of justice. According to the modal logic of evaluations, the structure of justice evaluations has four elements: subject, object, mode (absolute or relative) and basic argument. Norms of justice are contextual with boundaries outlined by: 1) the object of evaluation - the specific benefits and burdens; 2) specific rules of distribution of these benefits and burdens in specific areas of social reality (inclusion, political, juridical, economical, religious, informational and educational); 3) the scale.

Key words: justice, socio-cultural approach, culture, socio-cultural order, value, norm.